

Юрова И. В.

кандидат философских наук,

контент-директор консалтинговой группы ВІТОВЕ

Современные подходы к развитию саморегуляции личности в условиях неопределенности

Аннотация: В статье рассматриваются с позиций управления познанием структурно-функциональный и социокультурный подходы к развитию осознанной саморегуляции в условиях неопределенности. Способность произвольно формировать социально значимые установки показана как основа для творческого самоотношения личности.

Ключевые слова: саморегуляция, сознание, осознанность, познание, неопределенность, творчество, структурно-функциональный подход, социокультурный подход.

Modern approaches to the development of self-regulation in conditions of uncertainty

Annotation: The article examines the structural-functional and sociocultural approaches to the development of conscious self-regulation from the standpoint of knowledge management in the face of uncertainty. The ability to arbitrarily shape socially significant attitudes is shown as the basis for the creative self-relationship of an individual.

Keywords: Self-regulation, consciousness, awareness, cognition, uncertainty, creativity, structural-functional approach, sociocultural approach.

Саморегуляцию рассматривают как сложную и универсальную человеческую способность, позволяющую целенаправленно структурировать поведение, увеличивая вероятность удовлетворения разнообразных индивидуальных потребностей. В последние годы в рамках подходов к развитию осознанной саморегуляции наметилась тенденция, связанная не столько с повышением осознанности в отношении знаний и действий, сколько с управлением неосознаваемыми регулятивными компонентами, которые выходят за рамки привычных представлений об аутотренингах и других способах формирования желаемых установок. Интенсивность и хаотичность информационного воздействия, нарастание неопределенности поставили во главу угла задачу фильтрации поступающих сообщений, сформировав запрос на эффективные способы управления познанием в целом.

О. А. Конопкин указывал на проявляющуюся тенденцию субъектного подхода к исследованию саморегуляции, связывая ее с задачей максимального раскрытия в человеке его активных деятельностных начал и творческого потенциала. Он рассматривал саморегуляцию как преодоление субъектом информационной неопределенности, отмечая, что структурно-функциональный дефект регуляторного процесса может существенно ограничить деятельностные возможности человека [3].

Структурно-функциональный подход, развиваемый О. А. Конопкиным, позволил определить осознанную саморегуляцию как системный процесс, связанный с целеполаганием, моделированием, программированием, планированием, принятием решений, оценкой результатов и коррекцией [4, с. 187-220]. При этом исследователи подчеркивают, что понятие осознанной саморегуляции не означает осознанности субъектом всех моментов своей регуляторной активности: речь идет об их принципиальной подотчетности сознанию и произвольному управлению [11].

И. Ф. Михайлов предлагает учитывать способность человека переключать области осознания и определяет сознание как способность к поведенческой саморегуляции, а осознание – как смену локализации и охвата памятью и вниманием. Наше сознание не участвует в контроле дыхания, а отвлекаясь на вдох и выдох во время стрессового события, мы позволяем себе не осознавать, – так, по мнению И. Ф. Михайлова, проявляется зональность или же секторальность сознания и знания [10].

Социальный запрос на развитие осознанности и достижение ресурсных состояний заметен по обилию соответствующих тренингов и программ личностного развития. При этом ресурсами личности принято считать средства решения определенных задач, которые могут накапливаться, распределяться, расходоваться и восстанавливаться. В этом смысле осознанная саморегуляция представлена как специфический метаресурс достижения целей, с помощью которого мобилизуются остальные ресурсы – личностные, средовые, мотивационные, когнитивные, ценностные и т. д. [11, с. 42].

Однако, если при остром стрессе развитая осознанная саморегуляция дает ощутимое преимущество, то при хроническом стрессе регуляторный ресурс истощается. Поэтому с необходимостью встает вопрос о том, как снизить истощаемость ресурса саморегуляции, а также об универсальном регуляторном ресурсе как о совокупности компетенций, обладая которыми субъект эффективен в достижении целей [12]. По мнению Д. А. Леонтьева, к саморегуляции применимо описанное в экономике «ресурсное проклятие»: благоприятные условия и изобилие ресурсов ведут к снижению качества решений, а дефицит ресурсов, напротив, делает цену ошибки высокой и стимулирует к повышению качества решений [8, с. 24].

С позиций этого подхода неопределенность рассматривается как вызов, который снимается осмыслением ситуации, а позитивное отношение к неопределенности оказывается продуктивным с точки зрения развития личности и повышения стрессоустойчивости [5].

Социокультурный подход, который описывает Г. Троммсдорф, перекликается с культурно-исторической концепцией Л. С. Выготского [9] и дает представление о том, что стиль саморегуляции зависит не только от индивидуальных психологических особенностей, но и от того социокультурного контекста, в котором развивается личность. Наиболее яркими иллюстрациями значимости социокультурной модели саморегуляции являются исследования детского поведения. Так, например, индийские и немецкие дошкольники в разочаровывающей ситуации реагируют по-разному. «Дети ожидали получить подарок, но нашли только пустую коробку. Индийские дети демонстрировали значительно меньше разочарования и гнева, а также быстрее приходили в себя по сравнению с немецкими детьми. Индийские матери преуменьшают разочаровывающую ситуацию и поддерживают принятие ее ребенком в отличие от немецких матерей, которые отражают реакции гнева своих детей в соответствии с культурной моделью самоутверждения» [15, с. 695]. Автор исследования пришла к выводу, что, «хотя культурная социализация эмоций еще недостаточно понятна», очевидно, что культурная модель взаимодействия порождает и стимулирует востребованные механизмы саморегуляции.

Д. А. Леонтьев отмечает, что социальный способ жизни людей порождает форму саморегуляции, которая, по своей сути, является первичной инвариантной основой любых форм социальности и в современной социологии отождествляется с цивилизованностью, предполагая «культивирование» личности [7, с. 26]. Логичным развитием такого взгляда стало определение духовности как высшего уровня человеческой саморегуляции, присущей зрелой личности и относящегося не к потребностям, а к бытийным (неранжируемым)

ценностям личности [6, с. 19-20]. Можно утверждать, что саморегуляция служит успеху в достижении тех целей, которые определяются как культурно значимые и социально одобряемые. Мобилизация регуляторного ресурса для достижения спортивной победы или же регуляция поведения в соответствии с определенным культурным стандартом свидетельствует о том, что субъект деятельности намерен изменять свои естественные реакции на социально эффективные.

Обозначенная ориентация субъекта на осознанное управление своими ресурсами для преодоления естественных реакций открывает другую проблему. Как справедливо отмечает Н. Р. Салихова, жизненные цели не определены и не замкнуты, а значит, генерируют большую степень неопределенности, чем производственные или социокультурные ситуации, более того – иногда такая «цель» определяется уже по достижению результата, а это значит, что привычная схема теоретического рассмотрения саморегуляции становится слишком узкой [13]. Поиск смысла в таком широком контексте становится постоянным, в разной степени включая в себя и все другие ситуации целеполагания.

Например, получив конкретную учебную задачу, учащийся приступает к ее решению потому, что видит смысл в обучении, и наоборот – решение задачи бессмысленно, если учащийся не понимает ценности образования в своей жизни. Поиск смысла обучения может быть постоянным, потому что он связан с поиском жизненных целей, определением жизненной стратегии. Так, студенты часто признаются, что только на старших курсах понимают ценность полученных ими знаний, сориентировавшись на будущую сферу своей работы.

Ситуация неопределенности, оказывающаяся принципиально неразрешимой, ставит под сомнение регулируемость внутренних процессов. Неопределенность, считает Д. А. Леонтьев, снимается смыслом, однако, в ситуации дефицита ресурсов, когда полное осмысление затруднено, самоограничение всё равно вступает в силу, и субъект что-то осознает, а что-то нет. Главный вопрос заключается в том, как и на основе чего это происходит: с каким смыслом субъект остается. Кроме того, контроль сознания далеко не всегда эффективен, и встает парадоксальная задача сознательного перевода осознаваемых действий в неосознаваемые. М. Лири называет это гипозгоистической саморегуляцией, призванной удалить «лишние мысли», вызванные избыточным поиском и сравнением сценариев развития ситуации [14]. Таким образом, субъект заранее делает выбор относительно того, что ему можно не знать, потому что он все равно не смог бы знать всё. Еще более парадоксальной видится заранее сформированная оценка того, что можно не узнавать, как если бы это было уже известно, но не доведено до сознания.

В. М. Аллахвердов обратил внимание на этот парадокс, выделив когнитивное бесосознательное и изучая те эффекты, которые связаны с формированием решений на неосознаваемом уровне. Способы познания, по его мнению, должны предшествовать познанию, поэтому он выделяет автоматически действующие схемы познания: информационную – непосредственный и непрерывный мониторинг, и регулятивную, отвечающую за проверку гипотез [1, с. 18-19]. Это означает, что мы можем владеть всей информацией, но не осознавать этого. Согласно одной из метафор В. М. Аллахвердова, сознание можно представить генеральным директором, который не разрабатывает сам решения, а санкционирует их. «Мозг готовит все возможные варианты, но у него есть особая структура – сознание. Именно сознание выбирает тот вариант, который будет принят для дальнейших действий» [2, с. 735]. В этом и проявляется свобода воли человека. Но осознанный диктат мозгу – уже другой, более сложный уровень проявления свободы, когда «директор» спус-

кает указание сотрудникам подготовить нужное ему решение. Именно такая инверсия отношения сознания и когнитивного бессознательного, предположительно, и является способом самостоятельно и целенаправленно достичь субъективной определенности там, где ее не хватает.

Управление познанием, представленное как произвольное и непроизвольное самоограничение, а не как общее развитие когнитивных навыков – лишь на первый взгляд кажется обесцениванием знаний и познавательной активности.

Способность организовывать свою деятельность вопреки уже сложившимся установкам, формировать новые реакции, привычки, информационные фильтры – одна из самых перспективных областей в исследованиях саморегуляции. Поэтому выбор человеком того, что он готов познавать и кем становиться, говорит об особом творческом усилии и сознательном самоограничении. Не делая этот выбор, он предоставляет право ограничивать себя внешним обстоятельствам. Таким образом, эффективность осознанной саморегуляции в самых разных ситуациях зависит от творческого отношения субъекта к самому себе как социальному существу.

Список литературы:

1. Аллахвердов В. М. Проблема сознания. Поиск путей решения // Мир психологии. – 2018. – №2(94) – С.11-21.
2. Аллахвердов В. М. Сознание и проблема свободы воли // Журнал высшей нервной деятельности. – 2017. – Т. 67, №6. – С.734-738.
3. Конопкин О. А. Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // Вопросы психологии. – 1995. – №1. – С.5-12.
4. Конопкин О. А. Психологические механизмы регуляции деятельности. – М.: ЛЕНАНД, 2018. – 320 с.
5. Леонтьев Д. А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности // Психологические исследования. – 2015. – Т. 8, №40. – С.2.
6. Леонтьев Д. А. Духовность, саморегуляция и ценности // Известия Южного федерального университета. Технические науки. – 2005. – Т. 51, №7. – С.16-21.
7. Леонтьев Д. А. О некоторых аспектах проблемы «культура и личность» // Культурно-историческая психология. – 2013. – №1. – С.22–31.
8. Леонтьев Д. А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал // Сибирский психологический журнал. – 2016. – №62. – С.18-37.
9. Леонтьев Д. А. Траектории личностного развития: реконструкция взглядов Л. С. Выготского / Д. А. Леонтьев, А. А. Лебедева, В. Ю. Костенко // Вопросы образования. – 2017. – №2. – С. 98-112.
10. Михайлов И. Ф. Сознание и осознание: концептуальный анализ // Субъективный мир в контексте вызовов современных когнитивных наук / Общ. ред. и сост. В. А. Лекторского (отв. редактор), Е. О. Труфановой, А. Ф. Яковлевой. – М.: Аквилон, 2017. – С. 157-169.
11. Моросанова В. И. Осознанная саморегуляция и отношение к учению в достижении учебных целей / В. И. Моросанова, Т. Г. Фомина, И. Ю. Цыганов. – М.; СПб.: НесторИстория, 2017. – 380 с.

12. Моросанова В. И. Осознанная саморегуляция произвольной активности человека как психологический ресурс достижения целей // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2014. – Т. 7. – №4. – С.62-78.
13. Салихова Н. Р. Построение жизни субъектом: саморегуляция и/или самоорганизация // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2012. – Т. 154, кн. 6. – С.267-279.
14. Leary M. R., Adams C. E., Tate E. B. Hypo-Egoic Self-Regulation: Exercising Self-Control by Diminishing the Influence of the Self // Journal of Personality. – 2006. – Vol. 74. – Iss. 6. – Pp. 1803-1832.
15. Trommsdorff G. Culture and development of self-regulation // Personality and Social Psychology Compass. – 2009. – Vol. 3. – Iss. 5. – Pp. 687-701.

Голубев А.В.

*кандидат экономических наук, доцент факультета экономики и финансов
Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте РФ*

Экономические проблемы бедности в России

Аннотация. В статье рассматривается сущность бедности, различия между бедностью и нищетой, особенности бедности в России, влияние массовой бедности на социально-экономические показатели страны. Выделяется взаимное влияние стагнации и бедности. Приводится критический взгляд на введение прогрессивной шкалы подоходного налога.

Ключевые слова: Бедность, нищета, средний класс, социальные группы, потребительский минимум, социальный минимум, реальные располагаемые доходы населения, заработная плата, прогрессивная шкала налогообложения.

Economic problems of poverty in Russia

Abstract. The article discusses the essence of poverty, the differences between poverty and destitution, the characteristics of poverty in Russia, the impact of mass poverty on the socio-economic indicators of the country. The mutual influence of stagnation and poverty is highlighted. A critical view of the introduction of a progressive income tax scale is given.

Keywords: Poverty, destitution, middle class, social groups, consumer minimum, social minimum, real disposable income, wages, progressive tax scale.

Бедность в России – явление массовое. Однако что считать бедностью и как ее интерпретировать – однозначного ответа нет.

Чаще всего критерием оценки бедности (как и любой другой категории) выступают доходы населения. Границей бедности выступает прожиточный минимум, ниже которого в России человек считается бедным.

Прожиточный минимум (в соответствии с ФЗ от 24 октября 1997 г. N 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации»⁸²) – стоимостная оценка потребительской корзины, а также обязательные платежи и сборы. Величина прожиточного минимума регу-

⁸² Федеральный закон от 24 октября 1997 г. N 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» // Информационно-правовое обеспечение Гарант. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/172780/paragraph/9462:0>